

Первая публикация: Белоусов С.В. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье: размещение, содержание, взаимоотношения с местным населением // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия.– Самара, 2006.– №1.– С.48-55.

С.В.Белоусов

ВОЕННОПЛЕННЫЕ АРМИИ НАПОЛЕОНА В ПОВОЛЖЬЕ: РАЗМЕЩЕНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

В статье рассматриваются вопросы размещения и содержания военнопленных армии Наполеона в Поволжье, а также характеризуются их взаимоотношения с местным населением. Автор отмечает, что размещение военнопленных на жительство в поволжских губерниях стало не только новым явлением провинциальной жизни, но и важным фактором, который должны были учитывать местные власти в своей деятельности в условиях военного времени.

[с.48] Согласно циркулярного предписания С.К.Вязмитинова от 29 августа 1812 г. военнопленных предполагалось размещать «не только в губернских, но и в уездных городах при строгом, однако ж, надзоре со стороны полиции за их поведением» [1. Л.4-4об]. Так, в Пензенской губернии летом 1813 г. местом их проживания были избраны Пенза, Краснослободск, Саранск, Мокшан, Городище, Чембар и Керенск. В Саратовской губернии, кроме губернского центра, местные власти направляли пленных на жительство в Волгск (ныне Вольск), Хвалынский, Балашов, Аткарский, Петровский, Сердобский, Кузнецкий, Камышин, Царицын и колонию Сарепта [2. Л.336-339; 3. С.229-235; 4]. По воспоминаниям старшего хирурга главной квартиры 1-го армейского корпуса Ф.Мерсье, из их многочисленной партии, прибывшей в Саратовскую губернию, «в Саратов должны были направиться одни только офицеры... Что же касается наших солдат, которых было в нашей партии тогда не менее четырехсот, то они были разбиты на группы, приблизительно в сто человек каждая, и должны были быть размещены в нескольких уездных городишках по берегу Волги, а именно: в Вольске, в Камышине, Царицыне и в Сарепте. Впрочем, мы, офицеры, получили разрешение взять с собой в Саратов несколько человек наших солдат, которые бы могли исполнять при нас обязанности денщиков» [5. С.96-97].

Как правило, в губернских и уездных городах Поволжья военнопленные размещались по «обывательским квартирам» на основании квартирной (постоянной) повинности. Причем, офицеры обычно распределялись в дома зажиточных купцов и мещан (нередко они останавливались и в дворянских особняках), а «нижние чины» – в крестьянские и мещанские избы. Так, в Самаре военнопленные размещались на жительство в квартирах по два человека: офицеры в особых комнатах, а солдаты – вместе с хозяевами [6. Л.227]. Вюртембергский офицер Ф.Ю.Зоден, оказавшийся в плену в Саранске, также отмечал, что он проживал в доме какой-то мещанки вместе с другом [7. S.105].

Несколько иначе вопрос с размещением военнопленных решался в Саратове, где под их проживание отводились различные общественные здания, а приготовлениями по устройству жилья занималась городская дума. Так, партия французских военнопленных из 158 человек, прибывшая в Саратов 25 сентября 1812 г., была размещена в доме, где обучались воспитанники военно-сиротского отделения. В связи с этим, командир [с.49] Саратовского гарнизонного батальона майор Сыроболярский просил городскую думу заготовить необходимое количество соломы под подстилку, «а при том в каждую комнату по столу». 18 октября по требованию полицмейстера городской думе предписывалось доставлять военнопленным воду, дрова и свечи, «а равно и все потребное к удобному их там содержанию на счет городских доходов; для состоящего же при них караула сделать сошки». Исполнение этого предписания было поручено гласному Кокушкину [3. С.70]. 17 декабря гласные Лобанов и Кокушкин просили городскую думу выдать им 1175 руб. 40 коп. за «разные поправки и переделки» в военно-сиротском отделении. На основании представленного счета видно, какая работа была проделана в переоборудовании здания под жилье для военнопленных. Для переборок под крыльцом куплено 17 брусков (с перевозом) и 163 доски. Для переделки печей приобретено 2000 штук кирпича, песок и глина. К окнам сделаны железные крючья и «фортки». Были наняты плотник и печник. Кроме того, для пленных были куплены лопаты, топоры, корыта, 150 деревянных ложек, 10 чашек, ведра, чугуны, 160 рогож, 6 пятериков дров, сальные свечи, веники, метлы и «иная мелочь» [3. С.71]. Саратовский мещанин Сергей Рукавишников просил городскую думу о выдаче ему 111 руб. 25 коп. за то, что он ежедневно с января по июнь 1813 г. доставлял воду для военнопленных в военно-сиротское отделение [3. С.71-72].

Французский врач Ф.Мерсье также отмечал, что в Саратове офицеры их партии были поселены в специально отведенной им для жительства старой казарме. Здание оказалось совершенно не подготовлено к их прибытию. Печи были не протоплены, в комнатах – сыро, пусто и холодно, а о пропитании и обустройстве помещений им необходимо было позаботиться самим. Впрочем, при желании и, конечно, за собственный счет, пленным офицерам дозволялось снимать в городе частные квартиры [5. С.99,102].

Денежное содержание военнопленных основывалось на циркулярных предписаниях от 29 августа, 29 октября, 14 и 15 ноября 1812, 22 июля и 29 августа 1813 г. и зависело, главным образом, от их чина и национальной принадлежности. Циркуляр от 29 августа 1812 г. определял суточное довольствие пленным следующим образом: генералам полагалось по 3 руб., полковникам и подполковникам – по 1 руб. 50 коп., майорам – по 1 руб., оберофицерам – по 50 коп., «нижним чинам» – по 5 коп. и, кроме того, провиант «против солдатских дач» [1. Л.4-4об].

Эта система распределения денежных средств среди военнопленных имела определенные изъяны [8. С.200-201]. Во-первых, она не учитывала ту субординацию, которая сложилась во французской армии. В частности, старшие сержанты Старой гвардии (sergent-major в пехоте и marechal-logis в

кавалерии) по своему статусу приравнивались к младшему армейскому обер-офицерскому чину (*sous-lieutenant*) и, следовательно, должны были получать соответствующее содержание [9. С.592]. Однако местные власти нередко отказывали сержантам гвардии в получении офицерского довольствия и относили их к категории «нижних чинов». Так, пензенский полицмейстер Кравков в своем рапорте губернатору просит предписать, как «довольствоваться» сержанта 1-го полка гренадер Старой гвардии Игнаца Мире (*Miret*), который получал порционные деньги наравне с обер-офицерами [10. Л.13-13об]. В соответствии с русской системой военных чинов, где звание майора находилось ниже звания подполковника, французский майор должен был получать суточное довольствие меньше, чем подполковник. Однако во французской армии майор, как заместитель командира полка, стоял по положению выше шефа батальона (подполковника) [11. С.782-783]. Это вызывало просьбы пленных в чине майора хотя бы уравнивать их в правах с подчиненными. Так, майор вюртембергской службы де Вундт (*de Wundt*), сознательно принижая свое звание, чтобы получать большее содержание, просит пензенского губернатора выплачивать ему суточное [с.50] довольствие подполковника, так как в полку он, якобы, состоял на должности шефа батальона [10. Л.75,об,77].

Во-вторых, циркулярные предписания, определявшие финансирование военнопленных, не учитывали некоторые их категории. В частности, офицерских слуг, женщин и детей (решение о выдаче жалованья женам офицеров и «нижних чинов» было принято только на основании циркуляра от 29 августа 1813 г.). Так, в партии военнопленных, прибывшей на жительство в Пензу 18 июня 1813 г., при обер-офицерах оказались 4 служителя, которые не значились в сдаточном списке и, соответственно, не получали денежного довольствия [10. Л.36-37]. Пленные офицеры вынуждены были содержать своих слуг за собственный счет. Однако при расформировании в губерниях крупных партий военнопленных местные власти, не вникая в суть происшедшего, нередко разлучали служителей с господами, отправляя их в другой уездный город и обрекая, тем самым, на бедственное существование. Офицеры, которые также испытывали определенные неудобства, стремились вернуть своих слуг, направляя прошения об этом на имя губернатора. Так, шеф батальона баденского 2-го линейного полка фон Ламмер (*von Lammer*) просит пензенского губернатора князя Г.С.Голицына вернуть своего служителя Дамиана Стебля, который находился в Саранске и был ему «весьма нужен», так как годы и привычки делают его присутствие для него необходимым [10. Л.73]. Майор де Вундт просит вернуть ему сразу двух слуг, один из которых оказался в Саранске, а другой – в Мокшане. В то время как сам он был оставлен в Пензе. Де Вундт мотивировал свою просьбу слабостью здоровья из-за двух глубоких ран, полученных им в восьми военных кампаниях [10. Л.75-75об].

В своих мемуарах пленные офицеры неоднократно отмечали, что выдаваемого им суточного довольствия вполне хватало на проживание. По словам Ф.Мерсье, «выдаваемого... жалованья было даже более чем достаточно

для удовлетворения всех насущных потребностей» [5. С.104]. Оберлейтенант вюртембергского 4-го линейного полка Ф.Ю.Зоден вспоминал, что, несмотря на покупку съестных припасов, дров, соломы и свечей, средств вполне хватало на то, чтобы «иногда попить чай или кофе и посещать трактиры» [7. S.108].

Все военнопленные отмечали дешевизну продуктов питания и иных товаров. «Жизнь была очень дешевая, так что десяти пятаков, т.е. 15-ти крейцеров, нам вполне хватало на день», – писал вюртембергский офицер Х.Л.Йелин [12. С.199]. Многие в своих воспоминаниях приводили цены на покупаемые товары. Так, Ф.Ю.Зоден отмечал, что фунт говядины обходился ему в Саранске в 10 коп. (3-4 крейцера), фунт хлеба стоил 5-6 коп. (менее 2 крейцеров), воз дров – 45 коп. (13-14 крейцеров) [7. S.107-108]. О доступных ценах на продукты питания в Чернигове и Пензе сообщал баварский оберлейтенант Й.-Б.Нагель: 1 фунт свинины стоил 1,5 крейцера, фунт масла – 6 крейцеров, фунт баранины – 1 крейцер, курица – 4,5 крейцера, 8 фунтов хлеба – 4,5 крейцера, 10 яиц – 4,5 крейцера [13]. Для облегчения своего положения и ведения совместного хозяйства офицеры образовывали артели по 2-4 человека. Самые тяжелые работы возлагались на денщика, находившегося в распоряжении артельщиков [7. S.107; 12. С.186]. Кроме того, военнопленным частично оплачивались добровольные заработки: врачебная практика, преподавание французского и немецкого языков, математики, рисования, музыки, фехтования, занятие ремеслами.

Содержание военнопленных производилось за счет средств, поступающих из государственной казны. Чтобы как-то уменьшить расходы, власти не запрещали тем, кто пожелает, под расписку брать пленных к себе на жительство. В таких случаях государственные выплаты прекращались и расходы на содержание военнопленных перекладывались [с.51] на плечи хозяев. Так, мокшанский городничий сообщает князю Г.С.Голицыну о прекращении денежных выплат двум французским офицерам Оливье и Бонифасу на том основании, что они были взяты на жительство отставным гвардии поручиком Жуковым [14. Л.23]. В 1813 г. саратовский губернатор объявил о том, что все желающие могут взять для работ «пленных, знающих то или иное ремесло, а равно художников» [15]. Ф.Мерсье отмечал, что многие пленные офицеры «стали давать уроки французского языка, другие брались за преподавание математики, фехтования, рисования и т.п.» «Нижние чины» также нашли себе «кое-какой заработок своим мастерством» [5. С.193,200].

Чаще всего пленных брали в свои дома представители дворянского сословия. Краснослободский городничий Заварицкий рапортовал пензенскому губернатору о том, что «полковник Финкенкло, живущий в трех верстах от Краснослободска в деревне, просит... позволить взять к себе квартировать одного из немцев офицеров» [10. Л.62]. По свидетельству Х.Л.Йелина, «дворяне приютили у себя некоторых из нас под предлогом обучения детей тем или иным предметам» [12. С.199]. Сын известного русского экономиста К.Арнольда позднее вспоминал о своем детстве: «Редкий был тогда дом, в котором не встречалось бы пленного француза: иметь у себя «своего» фран-

цуза – это установилось тогда само собой для каждого «порядочного дома» [16. С.328].

Положение военнопленных «нижних чинов» было менее стабильным и более тяжелым, чем положение офицеров. Суточного довольствия, которое им полагалось, хватало разве что на пропитание. Если офицеры, получая ежедневно по 50 коп., «успели от избытков одеть себя безбедно», то солдаты отказывали себе в приобретении самых необходимых вещей. В своем рапорте князю Г.С.Голицыну от 12 июня 1814 г. чембарский городничий так описывал одежду военнопленных «нижних чинов», которые к тому времени уже прожили в Чембаре 8 месяцев: «...у оных военнопленных одежды сообразно летнему времени года, также и обуви, по осмотру моему оказалось у 40 человек по 2 рубахи, по одной крепкой, а по другой ветхой, платье на оных из старого перешитья, шпенцеры, жилеты, из посконного полотна панталоны, а сапоги худые; у 76 человек по одной рубашке, ветхих, платье самое ветхое ж, Сапогов совсем не имеют; у 16 – по 2 рубашки, по одной крепкой, а по другой ветхой, платья совсем ветхия и сапоги худыя; у 6 человек по 2 рубашки, по одной крепкой, а по другой ветхой, платье, шпенцеры, жилет, панталоны и сапоги хорошие. На головах фурашки, на шеях платки у всех есть, а шинелей и чулок ни у одного нет» [17. Л.59].

Находясь в более тяжелых условиях «нижние чины» нередко просили русских дворян взять их к себе в услужение. Так, Н.Ф.Хованский приводит пример, когда помещик с.Аблязовки Кузнецкого уезда приютил у себя пленных французов, построил им дома, а позднее закрепостил [3. С.251].

В циркулярных предписаниях, регламентирующих положение военнопленных, не поднимался вопрос о принудительном использовании их труда на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве. Напротив, даже подчеркивалось, что пленные «вольные люди, а не... посессионные крепостные» и их следует отправлять на фабрики и заводы только по их желанию. Лишь на основании циркуляра от 14 января 1813 г. губернаторам предлагалось использовать военнопленных на различных, простых занятиях по восстановлению разрушенных домов или при проведении земляных работ. Однако местные власти не всегда считались с этими указаниями. Известно, что во внутренних губерниях России пленных насильно приписывали к казенным заводам и фабрикам (например, в Вологодской, Пермской и Вятской губерниях) либо превращали в колонистов-земледельцев (на юге России) [18. С.130-131]. Но в поволжском регионе такие [с.52] факты принуждения не зафиксированы, очевидно, из-за отсутствия крупных предприятий. Имели место лишь случаи привлечения пленных на простые работы. В.П.Тотфалушин отмечает, что еще на рубеже XIX-XX вв. в Саратовской губернии сохранились построенные военнопленными здания (с.Зубриловка Балашовского уезда, с.Чердым Петровского уезда, с.Сосновка Аткарского уезда) и ирригационные сооружения (пруд в с.Дьячевка Петровского уезда, плотина в с.Отрада (Отрадное) Царицынского уезда). Кроме того, в Саратове пленные засыпали многие овраги [4. С.163].

Общий надзор за военнопленными в губерниях осуществлялся на основе циркулярных предписаний главнокомандующего в С.-Петербурге С.К.Вязмитинова. Так, циркуляром от 29 августа 1812 г. предписывалось, чтобы «пленным нигде ни от кого никакого притеснения оказываемо не было, но чтоб и они вели себя скромно и послушно, за чем иметь наблюдение, внушая им, что за дерзкое поведение одного, отвечают все они» [1. Л.4-4об]. Основные обязанности по поддержанию общественного порядка в губерниях лежали на полицейских органах власти. Гражданские губернаторы рассылали городничим и земским исправникам ордера, которые и регламентировали их действия при осуществлении надзора за военнопленными. Караулы снаряжались из солдат гарнизонных батальонов и инвалидных команд.

Размещение значительного количества пленных во внутренних губерниях вносило определенное беспокойство в размеренную жизнь уездных городов и создавало большие трудности для местных властей. От военнопленных можно было ожидать и организованных выступлений и просто противоправных действий из хулиганских побуждений, справиться с которыми подчас было довольно сложно. В «журнале путешествия из Москвы в Нижний» И.М.Долгорукий описывает случай коллективного неповиновения пленных, который произошел в Арзамасе Нижегородской губернии и вызвал в городе «изрядную суматоху». Около 80 пленных французских офицеров, размещенных здесь, сильно выпили и в трактире стали говорить «дерзкие речи». Прибывший на место городничий вместе с 12 «старыми и увечными» солдатами местной инвалидной команды попытался их урезонить, но был избит. После чего французы разошлись по квартирам. Как пишет И.М.Долгорукий, пленные офицеры кулаками доказали городничему, «что право всегда на стороне того, у кого физическая и множественная сила» [19. С.86-87]. О крайней дерзости военнопленных в Тамбове, за которыми «некому было смотреть», не раз сообщала в своих письмах к В.И.Ланской И.А.Волкова [20. С.56-57,72].

Недовольство по тому или иному поводу проявляли и отдельные военнопленные, за которыми местные власти сразу устанавливали особый полицейский надзор. 19 сентября 1813 г. краснослободский городничий доносил пензенскому губернатору, что «находящийся здесь на жительстве из военнопленных французских гошпиталей шеф Жанье Сципион замечается... неблагонамеренным к России, а посему и нужно иметь особенной присмотр за его поведением». И хотя солдаты инвалидной команды постоянно наблюдали за ним, из-за незнания французского языка они не могли узнать о его истинных намерениях. Городничий просил губернатора перевести Сципиона в другой уездный город, где бы он не мог общаться с другими пленными офицерами. 16 октября Сципион был отправлен на жительство в Городище [21. Л.56,61-61об]. В январе 1814 г. князь Г.С.Голицын потребовал от краснослободского городничего установить бдительный надзор за капитаном Бомвилем, «как за знакомством его и поведением, так и за домашними занятиями» из-за его неблагонадежности и негативных высказываний по поводу «теперешних военных обстоятельств» [22. Л.23об-24].

В целом, следует заметить, что пленные офицеры пользовались гораздо большей свободой, нежели чем «нижние чины». Об этом в своих воспоминаниях писали и сами [с.53] военнопленные. Так, Ф.Мерсье отмечал, что в Саратове им разрешалось свободно передвигаться не только по городу, но и его окрестностям. Правда, местные власти требовали, чтобы они возвращались ночевать на свои квартиры. По особому разрешению губернатора пленные могли совершать поездки даже по всей Саратовской губернии. Однако при этом должны были находиться под надзором полиции. Пленных неоднократно предупреждали, что за нарушение условий проживания может последовать ссылка в Сибирь [5. С.102-103; 7. S.124]. Пользуясь относительной свободой, пленные офицеры могли предаваться различным занятиям. Так, Ж.-В.Понселе, находясь в Саратове, занялся наукой. В шести тетрадах, исписанных им, содержалось более 400 страниц глубоких и оригинальных исследований в области проективной геометрии [4. С.160]. Другие офицеры, напротив, проводили время, отдыхая на лоне природы или предаваясь разгулу. «Сентябрь прошел без происшествий, достойных описания,— писал Ф.Ю.Зоден.— Я ежедневно поднимался по лестнице под крышу дома, где сладко дремал на постели из сена под пение или игру на флейте и чаще всего просыпался в веселом настроении» [7. S.130-131].

Что касается военнопленных «нижних чинов», то они не имели права покинуть тот уездный город, который был определен им на жительство. Так, в рапорте пензенскому губернатору от 6 марта 1814 г. мокшанский городничий Каратеев просит дозволения отпустить в Пензу «французской армии редовых и женщин... для закупки себе одежды и протчего, которого здесь в городе не имеетца». Но губернатор на это разрешения не дал [14. Л.19,20].

Отношения местного населения с военнопленными складывались не просто. Хозяева домов, где квартировали пленные, портили печи, выставляли окна, не давали дров для топки, посуды, воды, сена и соломы, мотивируя это тем, что французы «все опоганят, ибо они безбожники» [6. Л.227; 7. S.105,107]. Мокшанский городничий Каратеев в своем рапорте от 27 марта 1814 г. сообщает пензенскому губернатору о недовольстве обывателей квартированием у них военнопленных в период проведения сельскохозяйственных работ. «Нынешнее время зближается к работе обывателями земледелия разного рода и жители отлучаются со всеми семействами в поле для работы, которые во все время должны находится всегда из домов отлучными,— писал он.— А как... находящиеся в городе... пленные французской армии должны оставаться одни, то дабы они не могли без хозяев для заготовления пищи или чего-другого топить избы и не зделали б пожара, ибо за ними смотреть будет некому, а равно не могло бы произойти и кражи хозяйского имущества, обыватели ж города соглашаются для них зделать за рекою Мокшею вблизи города бивайки. Я ж с моей стороны не упущу зделать распоряжения к доставлению дров для варения пищи и нужного числа посуды. Так же будет от жителей подготовлен караул и ко оным изтребую для соблюдения порядка из здешней инвалидной команды 3 человека» [14. Л.21-21об]. Пензенский губернатор запретил организовывать вне города биваки для французских воен-

нопленных из-за отсутствия на этот счет каких-либо распоряжений из С.-Петербурга, малого числа военнопленных в Мокшане и отсутствия опасности для обывателей [14. Л.22-22об].

Некоторые представители крестьянского и мещанского населения нередко оскорбляли пленных, старались задеть их, вывести из себя, спровоцировать драку. Об этом, в частности, сообщает известный защитник прав военнопленных, самарский городничий И.А.Второв: «с самого начала нахождения их в городе не мог я заметить вообще никакого своевольтва от них. Во все сие время один только рядовой, за грубость хозяину, наказан был мною тюремным содержанием, впрочем все они, как офицеры, так и нижние чины, ведут себя наилучшим образом среди людей естественно чувствующих [с.54] к ним, как к врагам и иностранцам, ненависть. И тем (для них) похвальнее, что во все время нахождения их здесь ни один пленный никогда и никем не был замечен в пьянстве и даже в начатии ссоры, несмотря на то, что ежедневно озлобляются они жителями названием собак, свиней и выдуманым через какого-то целовальника словом «Париж-пардон». Не было прохода ни одному французу по улице, чтобы его толпы ребят и даже взрослых и старых людей не дразнили как собаку, несмотря на запрещение от меня через полицейских служителей и солдат к ним приставленным. Дабы не случилось важнейшей между ними ссоры и драки, я принужден был некоторых буянов брать под караул и тем несколько уменьшил озлобление противу пленных. Однако ж и поныне еще сие продолжается. Так недавно случилось, что четверо пьяных людей избили жестоко одного француза. Почти всегда от пленных и от приставленных к ним солдат доходят ко мне жалобы на сии озлобления и на разные притеснения их от хозяев квартир, и по разбирательству, я всегда находил невинными пленных» [6. Л.228-229].

Свое превосходство перед пленными отчасти стремились продемонстрировать и представители дворянских фамилий. Так, И.М.Долгорукий описывает случай, когда он при разговоре с врачом-французом, чтобы вызвать у того приступ вспыльчивости, спросил: «Лучше ли город Люневиль нашего Мокшана?» Пленный зверски на него посмотрел, «ахнул и без ответа побежал, как бешеной; мы проводили его всеобщим смехом» [19. С.66].

По свидетельству И.А.Второва, жители Самары, «видя молчание французов на задирательные фразы, стали бросаться на них с ругательством, бить, толкать в снег, бросать в них мерзлой грязью и проч.» [6. Л.232]. Однако пленные далеко не всегда спокойно воспринимал нанесенные обиды, как это описывает И.А.Второв. От их можно было ожидать и ответных действий. Так, в Курмыше во время празднования масленицы в 1814 г. военнопленные «наделали разные беспокойства и поразбежались» [6. Л.232-233]. В Саратове шесть пленных французов, нанятых помещиком Устиновым для очистки в его саду водосточной канавы, избили мещанина Смирнова, который от побоев скончался. Виновных отправили в Нерчинск «в каторжную работу» [23].

Далеко не идиллическими были взаимоотношения и между военнопленными. Нередко возникали конфликты в офицерской среде за лидерство. Очевидно, именно из-за этого в Самаре произошла ссора между двумя офи-

церами, Тевеменом и Сермоном, каждого из которых поддержали бывшие сослуживцы [6. Л.73,77,78,235]. Между офицерами вспыхивали ссоры, приводившие к дуэлям. Так, в августе 1813 г. в Пензе произошла дуэль между французским дезертиром А.Парисом и су-лейтенантом Л.Пино [24. Л.10-13,17]. Были случаи избиения офицерами «нижних чинов». Например, случай избиения офицером Тевеменом французского солдата, описанный в «Дневнике» И.А.Второва [6. Л.73]. Встречались конфликты между военнопленными разных национальностей. Так, протоиерей саратовского Троицкого собора Н.Г.Скопин писал, что в октябре 1813 г. военнопленные баварцы и ганноверцы попросили отделить их от французов, «ибо де они – каналы» [3. С.11].

Таким образом, размещение на жительство в поволжских губерниях военнопленных армии Наполеона стало важным фактором провинциальной жизни. Местные власти не только должны были решать все вопросы, связанные с их проживанием и содержанием, но и урегулировать возможные конфликты между ними и местным населением в условиях военного времени, когда наблюдалась явная нехватка полицейских чиновников и солдат гарнизонных батальонов и инвалидных команд.

[с.55]

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области (Далее ГАПО). Ф.5. Оп.1. Д.419.
2. Российский государственный исторический архив (Далее РГИА). Ф.1282. Оп.1. Д.777. Л.336-339;
3. Хованский Н.Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г.– Саратов, 1912.
4. Тотфалушин В.П. Французы в Саратове // Годы и люди.– Саратов, 1992.– Вып.6.– С.157-164.
5. Руа И. Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России.– С.-Петербург, 1912.
6. Государственный архив Самарской области (Далее ГАСамО). Ф.803. Оп.3. Д.191.
7. Soden F. Memoiren aus russischen Kriegsgefangenschaft von zwei deutschen Offizieren.– Regensburg, 1831-1832.– Bd.1-2.
8. Иванов К.В. Система финансирования военнопленных 1812-1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы.– Бородино, 1997.– С.198-207.
9. Лашук А. Гвардия Наполеона.– М.: Изографус, ЭКСМО, 2003.
10. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459.
11. Шиканов В.Н., Суслов П.В. Чины военные великой армии // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия.– М.: РОССПЭН, 2004.– С.782-783.
12. фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона // Роос Г. С Наполеоном в Россию.– М.: ООО «Наследие», 2003.– С.158-205.
13. См.: Шмидт В. Судьба баварских военнопленных в России в 1812-1814 гг. // 185 лет Отечественной войне 1812 года.– Самара, 1997.– С.81-82.
14. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.509.

15. Духовников Ф.В. Немцы, иностранцы и пришлые люди в Саратове // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы.— Саратов, 1893.— Вып.1.— С.247.
16. Арнольд Ю.К. Воспоминания // Русский архив.— 1891.— №7.
17. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.511.
18. Сироткин В.Г. Судьба французских солдат в России после 1812 года // Вопросы истории.— 1974.— №3.— С.129-136.
19. Долгорукий И.М. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года.— М., 1870.
20. Наполеон в России глазами русских.— М.: «Захаров», 2004.
21. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.461.
22. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.517.
23. Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф.407. Оп.1. Д.1654, 1679.
24. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.489.

S.V.Belousov

**CAPTIVES OF NAPOLEON'S ARMY IN POVOLZHYE REGION:
THE ACCOMMODATION, THE MAINTENANCE, THE MUTUAL
RELATIONS WITH THE LOCAL POPULATION**

The questions of the accommodation and the maintenance of captives of Napoleon's army in Povolzhye region and also the mutual relations with the local population describing them are examined in this article. The author marks, that the accommodation of captives on residence in provinces of Povolzhye region became not only a new phenomenon of the provincial life, but also an important factor and the local authorities had to take it into account in their activity in the conditions of the war time.